

Глава 1

— Да что ж это такое?! Что ты выдумываешь?! — Лана в негодовании повернулась от плиты. С ложки на пол плюхнулась клякса жидкой каши.

— Ни-че-го, — раздельно произнёс Олег. Впечатал в стол стакан с остатками сока и, так же впечатывая подошвы в пол, ушёл из кухни.

Хлопнула входная дверь.

Расстроенная и растерянная, Лана села на краешек кухонного дивана, так и держа в руке ложку, и всерьёз задумалась: с чего бы это Олег нынче так суров? Все это продолжение с утра пораньше вчерашней сцены ревности выглядело по крайней мере нелепо. Олег никогда ее не ревновал. Некоторым женщинам нравится, когда их ревнуют. Ревнует — значит любит. Лана точно знала, что муж ее любит, и без таких экзотических доказательств, как ревность, вполне обошлась бы. Главное — с какой стати?! Ну, вьётся вокруг нее этот мальчишка, ну, смотрит преданными собачьими глазами... На взгляд Ланы, поведение мальчишки ничем особо не отличалось от поведения всех стажёров, которые приходили в га-

зету. С новыми сотрудниками работала именно Лана, можно сказать — курировала молодёжь, так что в элементах их бескорыстного подхалимажа не было ничего удивительного. Сто раз так было. И ещё сто раз так будет. И ни разу Олег даже внимания не обращал на то, кто там вокруг нее вьётся и как там на нее смотрят. А в этот раз не просто обратил внимание, так ещё и выразил свое недовольство. В ответ на его недовольство она выразила свое. Наверное, это было неправильно. Вчера он замолчал и промолчал весь вечер. Лана значения этому не придавала. Думала, сном глупости уйдут, утро вечера мудренее. А он с утра пораньше — по второму кругу: зачем смотрела, да почему поощряла, да почему не поставила на место... Главное — абсолютно на пустом месте! Обидно. Совершенно непонятно, почему некоторым женщинам нравится, когда их ревнуют...

А забытая на огне каша тем временем попрыгала-попрыгала да и подгорела. Лана наконец учуяла запах гари, кинулась к плите, выключила огонь, помешала... глянула на часы — и сердито проворчала, доставая кукурузные хлопья и молоко:

— Олег, это всё из-за тебя. Мальчишки должны сказать тебе спасибо...

Каша по утрам, особенно овсяная, была пунктиком Ланы. Она считала, что ничего полезнее овсяной каши не может быть. Сыновья, честно говоря, с этим не были согласны. Особенно младший, пятилетний Тимка.

Лана отправилась будить детей, на ходу по привычке бормоча себе под нос:

— Ну как можно так расстраивать человека перед работой!..

Перед комнатой мальчиков она остановилась, несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула и, вроде бы обретя душевное равновесие, осторожно открыла дверь.

Не раздвигая плотных клетчатых штор, которые так надёжно охраняли уют от ноябрьского хмурого утра, Лана включила настольную лампу. С верхнего яруса кровати послышались возня и басовитое ворчание, из подушки нижнего вынырнула бело-брысая взлохмаченная голова, огляделась бессмысленными синими глазами и опять нырнула в подушку.

— Вставайте-вставайте, сони! — бодрым голосом сказала Лана.

Голова Тимки снова вынырнула из подушки.

— Мам! Я в сад не пойду! — тревожным шёпотом ответил он.

— Это почему же? — Лана села на его кровать, выгребла Тимку из-под одеяла, прижала к себе, тёплого, душистого и уютного.

— А чего эта Беяева на меня смотрит! — проворчал Тимка, удобнее устраиваясь на коленях у матери. — Она так смотрит, что я чаем попёрхиваюсь...

— Это кто там с утра канючит? — раздался сверху презрительный ломкий басок, и ещё одна белая голова, только побольше, нависла над ними. — Кто хвалился, что супермен? Супермены на девчачьи взгляды плевать хотели... — Четырнадцатилетний Платон спрыгнул с верхнего яруса и дёрнул младшего за хохолок на макушке. — Let's take the cold shower!

Тимка беспомощно покосился на Лану:

— Чего он, мам?

— Водичкой холодной обольёмся, говорю! Давай заползай! — Платон сел на кровать к брату и подставил спину.

— Ма! Не хочу-у, — заныл Тимка, но Платон (в обиходе Тошка, Платоша и так далее, в соответствии с моментом) уже подхватил его под попку и взгромоздил к себе на закорки. — О! Соггу! Ні, ма!

— Доброе утро, — ответила Лана и потрепала его жёсткие волосы. — Сходил бы ты с братом постричься.

— Угу, — кивнул Платоша и через плечо глянул на братишку, с самого утра недовольного жизнью. — Всё, начинай дрожать. Поехали!

Через минуту донёсся шум льющейся воды, Тимкин визг и Тошкино уханье: братья принимали холодный душ.

В детском саду, как всегда по утрам, слышны были рёв и крики: «Мамочка, не уходи!» — это из младших групп. В Тимкиной средней группе переодевались сопя и хмурясь, но уже не ревели. Пока Тимка облачался в шорты и сандалии, хорошенькая как кукла Аллочка Беляева выскочила из игровой и молча уставилась на него чёрными глазищами. Тимка торопливо натягивал шорты и гневно сопел, косясь на девчонку. Надо вмешаться...

— Аллочка, что же ты со мной не здороваешься? Доброе утро, — сказала Лана.

— Доброе утро, — пробормотала та и быстро ретировалась обратно в игровую.

— Всё равно смотреть будет, — обречённо буркнул Тимка и горестно вздохнул.

— Тим, — Лана невольно тоже вздохнула и села на длинную скамейку рядом с сынишкой. — Она просто хочет с тобой подружиться, а как — не знает. Ты сам к ней подойди, какую-нибудь игру ей предложи. Вот увидишь, всё сразу наладится! Мальчишки всегда должны первыми к девочкам подходить.

Тимка помолчал, повозил ногами по полу, хмуро спросил:

— А если я с ней дружить не хочу?

— Точно — не хочешь? Гм... Тогда терпи ее взгляды без нытья, что поделать. Но ты все же подумай: может, не так уж ты с ней не хочешь дружить? Подумай-подумай. — Лана поцеловала сына в макушку и поднялась со скамейки. — Мне пора. Иди к ребятам. Тошка тебя заберёт в пять.

Тимка молча кивнул и неохотно побрёл в комнату.

У сына проблема! А что делать в таких случаях, она не знала. Стыд и позор. По дороге в редакцию она еще немного поломала голову над тем, как быть с Тимкой, а потом незаметно стала думать о своей утренней стычке с мужем. Конечно, это была не первая ссора, за пятнадцать-то лет жизни! Но чтобы из ревности, да еще к кому... Разумеется, она внимательно отнеслась к этому Серёже. Она всегда очень внимательно относилась к практикантам. А этот — совсем мальчишка, чуть старше Платона. Вырос в интернате. Кто же не знает, какие перспективы обычно у детей, выросших в интернате? А он сам в университет поступил. Значит, и характер, и способности есть. И попал с корабля на бал: утром вышел на работу — а вечером банкет.

Она вообще не замечала, что этот мальчик оказывает ей особое внимание. Вчера не замечала. А сегодня вдруг подумала, что весь вечер он ел ее глазами, как... Беляева — Тимку! Смешно. Но она-то в чем виновата? В том, что пару раз потанцевала с ним? Она со всеми танцевала — и с Костиком, и с Сашкой, и с дядей Борей... А потом все вдруг заметили, что Олег молчит, над шутками не смеется и вообще... закаменел. Таким от него холодом повеяло, что все сразу протрезвели — и по домам, по домам...

От этих мыслей Лана так расстроилась, что чуть не проехала остановку возле старого, солидного дома, где они арендовали половину третьего этажа под редакцию. Как всегда торопливо взбегая по ступенькам, она вдруг резко притормозила у большого зеркала между этажами: из его глубины на нее смотрело такое юное, длинноногое, белобрысо-стриженое, глазастое... Практикант ее просто за свою ровесницу принял, — вдруг догадалась Лана. И насмешливо подмигнула своему отражению: вот бедняга, как потом, наверное, переживал! Когда узнал, сколько ей лет и сколько у нее детей. И сколько лет старшему... В том, что Олег сердится, нет ничего хорошего, конечно... Но в том, что его жена так выглядит, нет ничего плохого.

Олег оценивающим взглядом обвёл своих коллег, полукругом сидящих у его стола. Не выпались, конечно, после вчерашнего. Ну, ничего, взбодрятся. Повод для праздника был, на его взгляд, серьёзный: четыре года «Объектив» продержался, не сдав позиций газеты непродвзятой и непродажной. Это в наши-то дни!

— Ну что ж, начнём. Как идёт новый номер, Борис Викторович? — обратился он к своему пожилому заместителю.

— Вроде в графике идём, — осторожно ответил тот. — Тринадцать полос свёрстаны, третья и пятая ждут досылов, на первую делаем коллаж к Таниной статье о сносе исторического памятника.

— Только у меня проблема! — подскочила с дивана кругленькая и упругая, как мяч, Татьяна Мальцева. — Мэр комментарий давать ни в какую не хочет! Ускользает и ускользает... А весь город гудит, что у него в этом сносе на Котельной большие личные интересы.

— Твоей статье его отказ не повредит. Назови ее «Молчание»...

— «Молчание — золото!» — уловила мысль Олега Таня.

— «И!» — подал голос Саша, отрываясь от перешептываний с симпатичной соседкой.

— Что «и»?

— «И золото»...

Таня пошевелила губами, словно пробуя, какой заголовок вкуснее:

— Нет, без «и» точнее.

— Саша, твой материал продвигается? За тобой двести строк, — напомнил Борис Викторович.

— А я, кажется, опять на сериал иду, — ответил, вставая, Саша. Полностью его звали Александр Матросов — не больше и не меньше, — и читатели старшего поколения думали, что это псевдоним: каждая статья была броском на амбразуру.

— Но первую серию ты сдашь сегодня, — слегка нервно то ли попросил, то ли приказал Борис Викторович.

— А кто закрывает дыру на пятой? — спросил Олег, бегло просматривая вёрстку.

— Я... — тихо произнесли сбоку.

Олег покосился в ту сторону: практикант.

— О чём пишете?

Олег сам заметил, как голос его заметно похолодел. Он не понимал, почему именно этот мальчик вызвал у него такую ревность. Но почему-то вызвал. И со своей неприязнью Олег еще не справился.

— Для вас, Серёжа, я Светлана Платоновна, — неожиданно подала голос Лана.

Олег бросил на нее странный взгляд. Ага, не ожидал от нее такой строгости. Остальные тоже посмотрели с некоторым удивлением: все привыкли, что Лана — это Лана, а не какая-то Светлана Платоновна. На миг Лана почувствовала себя как-то неудобно, но заметила, что глаза Олега слегка оттаяли. Хорошо.

— Так что вам Светлана Платоновна посоветовала?

— Ну, это... Покритиковать новый памятник, — понурился голову, прошептал практикант.

— Это на привокзальной площади? А не боитесь, что губернатор обидится?

— Да? Нельзя? — совсем смешался тот.

— Гм... Пишите, посмотрим, что получится. Борис Викторович, у вас будет чем заменить, если что не так? Ну, всё на сегодня. По местам — и чтобы никакого пива в редакции!

— Да знаем, знаем, не будем, — вразнобой загомонили сотрудники, толпой выходя из кабинета.

Олег проводил их взглядом и вздохнул. Он завидовал им: вот сейчас кто с «лейкой и блокнотом», то есть с их цифровыми потомками, рванёт на задание,

кто — атакует нужных людей по телефону, кто — сядет за компьютер. Как он все эти дела любит! А руководить — нет, не очень. Столько приходится дел улаживать, документов подписывать... Да и в суды то и дело вызывают...

Ну да ничего, он костыми ляжет, но его газета останется и дальше такой: непредвзятой, непроданной и — не падкой на дешёвые сенсации. Его газета останется по-настоящему независимой... Но как можно в наше время быть не зависимым от финансов?

Вздыхнув еще раз, Олег рассовал по карманам необходимые мелочи, проверил, на месте ли ключи от машины: пора было ехать на еженедельное совещание у губернатора. Ничего не поделаешь, он туда сам напросился. Его как хозяина и редактора независимого издания на эти планёрки не приглашали. Но надо быть в курсе того, что происходит в верхах. Сколько острых тем он вынюхивал на этих планёрках! И завидовал тем из своих ребят, кто брался их раскрывать.

Даже Ланке завидовал. Он, как никто другой, понимал ее нежелание «идти вверх по служебной лестнице». Он иногда подступался к ней с предложениями занять хотя бы должность редактора отдела, но она — когда смеялась, а когда и довольно резко — отвечала одно и то же:

— Самая высокая должность в журналистике — репортёр!

Ее рубрики назывались «Кто виноват» и «Что делать». Она описывала две-три реальные истории людей, попавших в одинаковые ситуации, и рассказывала, как из такой ситуации можно выйти грамотно

и с наименьшими потерями. Конечно, читатели ждали ее публикаций, звонили ей и писали письма.

То, что Ланка могла работать в свое удовольствие и ей никто не связывал крылья, было важно для Олега.

Было важно и то, что в его газете отсутствовали реклама и прочая ложь.

И всё же... И всё же вот уже пять лет, как его мучает вопрос: правильно ли он сделал, что принял Пашино предложение?

Глава 2

Как всё начиналось

— Опять ты моё задание не выполнил! Я тебе что сказал? Нужна рекламная статья, написанная так, словно и не рекламная. Ты же мастер слова! А ты что принёс? Крамолу! На спонсора!!! — распекал Олега редактор «Новостей России».

— Пётр Гаврилович, как можно писать хвалебные статьи об учреждении, где сотрудникам большие не оплачиваются?! Там на КЗОТ плюют! — возмущался Олег.

— Олег! Оле-ег! Охолони... Нельзя жить в доме из навоза и благоухать французским парфюмом, — говорил главный. — Чего ты хочешь? Прошлое разоблачили уже. А нынешний день пусть потомки разоблачают. Лицом к лицу лица не увидать... Ладно, иди.

Главный устало махал рукой и садился вычёркивать из Олегова материала «крамолу».

Дальше от спонсоров — больше правды. Олег тогда спасался командировками. Часто ездил. Однажды

поехал в Сибирь. Есть такой штамп в журналистике: «Письмо позвало в дорогу». Вот Олега и позвало.

Автор письма, некий Семён Прокудин, писал о том, как он в начале девяностых взялся поднимать захудалую ферму, как трудно, потом и кровью, оживляя хозяйство, а через год ожившее хозяйство у него отобрал наглый «браток» — угрозами и чуть ли не пытками.

В сибирской глубинке Олег еле отыскал малолюдную деревушку. Добирался до места трудно. Последний десяток километров ему повезло подъехать на попутном «козлике». Разговорчивый водитель рассказал, что едет к тётке Марине за самогонкой к свадьбе дочери. «Уж она такую знатную делает, на травах — и вкус что надо, и похмелья никакого». Он высадил Олега у осевшего домишки, где обитал Прокудин — худой, всё время шмыгающий носом мужичок неопределённого возраста. Жил он один. Скотины не держал. А в письме писал о том, что очень любит домашних животных, что своих коров содержал «как деток родимых». Услышав, кто и зачем пожаловал на его подворье, Семён засуетился, как вспугнутая курица. Рассовывая по углам какой-то хлам с лавки и переставляя со стола на печурку грязные миски и стаканы, скорее удивлённо, чем обрадованно, бормотал: «Вот уж не ждал, вот уж не ждал». Наконец уселся и замер, глядя на Олега сорокаградусными голубыми глазками.

Это длилось долго, и Олег понял, что надо брать инициативу в свои руки. Он сел на расшатанный табурет, достал письмо и показал его хозяину:

— Вы писали?